

Л.Е. Горизонтов (Москва)

Источниковедение российско-польского исторического пограничья XIX века: опыт и перспективы изучения

XIX век, не педантично календарный, а по крайней мере на двадцать-тридцать лет более продолжительный, уникален в истории российско-польских отношений пребыванием нескольких поколений поляков в роли подданных династии Романовых. Этим определяются масштабы и многообразие форм межнационального взаимодействия, а также, поскольку речь далее пойдет об источниках, особенности фондообразования: абсолютное большинство рукописных материалов по рассматриваемой теме находится в архивохранилищах России. Российско-польское историческое пограничие представляет собой открытую контактную зону, не имеющую четкой географической локализации, неоднородную по «плотности» и характеру контактов, изменчивую во времени.

В СССР и ПНР пик изучения российско-польской проблеме-матики XIX в. пришелся на 1960–1970-е гг. Примерно столько же – два десятилетия – прошло с той поры, когда Россия и Польша в результате распада советского блока отделились друг от друга. Эти двадцатилетия весьма различны с точки зрения интенсивности исследований, их тематических приоритетов, интерпретации исторического процесса и взаимодействия историков двух стран. Не избежали трансформации и источниковедческие стратегии.

Для модели 1960–1970-х гг. характерна системная инвентаризация советскими полонистами отечественных архивных собраний. Производился сплошной просмотр и научное описание многих фондов, в том числе личных (работы Л.А. Обушенковой, Ю.И. Штакельберга и др.). Вторых, исследования были неразрывно связаны с публикацией источников и подготовкой справочных изданий. Архивы позволяли составлять обширные картотеки персоналий, а те, в свою очередь, биографические словари. Словари не только предоставляли справочные сведения, но и служили основой для исследований, способствуя развитию как биографистики в ее классическом формате отдельного жизнеописания, так и просопографии, ориентированной на моделирование идеальных типов, значимых для понимания социокультурных процессов. Сформировалось понимание того, что внятный, исключающий произвольные оценки ответ на многие вопросы невозможен без оперирования репрезентативным человеческим материалом. В-третьих, источниковедческая и археографическая работа велась россиянами и поляками в тесном сотрудничестве на основе взаимодействия больших коллективов и долгосрочного планирования. Осуществление беспрецедентно масштабной программы, представляющей сейчас немалый научный интерес, стало возможным благодаря притоку в науку в 1950–1960-е гг. новых кадров.

В духе времени акцент делался на изучение антиправительственного империя, прежде всего, его леворадикальных сегментов. Российско-польское взаимодействие интерпретировалось преимущественно в категории «революционных связей». Последние дополнялись контактами в области культуры, фигуранты которых также отбирались, как правило, по критериям специфически понимаемой прогрессивности. Однако объективно выявленное и последующее издание значительного массива архивного материала, несмотря на определенную селекцию при его отборе, формировало источниковую базу для достаточно широкого спектра исследований.

Направление, в русле которого в России продуктивнее других работал историк-архивист по образованию В.А. Дьяков¹, в Польше, во многом благодаря энергии В. Сливовской, существует до сих пор, о чем свидетельствуют как словарные издания, так и публикация источников, в первую очередь мемуарных². Прямым продолжением былого двустороннего сотрудничества стал очередной том хорошо известной специалистам по Польше «Зеленой серии», посвященный «конаршикам». У польских коллег имеются серьезные планы обращения к источникам 1820-х годов, что вполне соответствует сегодняшней исследовательской программе Института славяноведения РАН.

Следует отметить, что у польских историков смена тематических приоритетов применительно к XIX веку происходила более плавно, чем у российских историков-полонистов, особенно работающих в столицах. В центре внимания осталась героическая и жертвенная фигура борца за независимость Польши, который расшатывал враждебную империю, а затем, оказавшись в ссылке и эмиграции, просвещал либо саму закосневшую Россию, либо Запад в ее отношении. Правда, став позапрошлым, XIX столетие по своей популярности в сообществе историков уступило в Польше как последующей, так и предшествующей эпохам³. В постсоветской России век империи востребован, пожалуй, в большей степени, хотя и здесь по объему историографии возобладало «короткое» XX столетие, в изучении которого раньше действовали максимальные ограничения, что видно на примере разработки истории советско-польских отношений.

Глубоко символичной явилась передача польским партнерам московских картотек, созданных на основе архивных изысканий: в условиях России на рубеже XXI в. сведения об участниках национально-освободительного движения остались невостребованными. Приходится говорить о серьезных кадровых потерях, о гораздо более скромных, чем прежде, форматах сотрудничества с польскими историками. Зато существенно возросли степень научной свободы и, соответственно, плюрализм взглядов. В настоящее время можно утверждать, что польская проблематика XIX в. возвращается в российскую историческую науку. Правда, далеко не все сегодняшние исследователи готовы использовать источники на польском языке (языковой барьер дает о себе знать и в академической среде Польши).

Как в новых условиях оптимальным образом построить работу? Достаточно много ее в сфере изучения политики правящих кругов царской России. Публикация в рамках серии, посвященной Январскому восстанию, четырехтомной переписки наместников Царства Польского 1861–1864 гг. обозначила чрезвычайно плодотворное направление. Охватывающие тот же период два тома воспоминаний Д.А. Милютина свидетельствуют о центральном месте польского вопроса: несколько лет подряд военный министр и вся высшая бюрократия уделяли ему поистине огромное внимание⁴. Другим эпохам повезло гораздо меньше. Требуется научного переиздания переписка цесаревича Константина Павловича с его царственными братьями, а также переписка Николая I и И.Ф. Паскевича, которая считалась настолько важной, что с ней специально знакомили наследника престола. Заслуживают внимания императорские маргиналии по польскому вопросу. Если в советское время изучение восстания 1863–1864 гг. шло параллельно с реализацией проекта по «первой революционной ситуации», то ныне разработка российско-польской тематики может быть органически соединена с изданием архива Романовых. Ряд ценных документов, характеризующих политический курс рубежа XIX–XX вв. опубликовал Л. Яськевич.

Правительственно–придворными сферами ограничиваться, разумеется, нельзя, необходимо обращение к кругу администраторов–практиков, местной бюрократии. Российской историографии не чужд интерес к польским элитам, в той или иной степени интегрированным в имперский порядок и служивших российской монархии. Представители данного слоя зачастую фигуры далеко не столь однозначные, как это может показаться на первый взгляд. Их изучение способствует возвращению из забвения многих имен, верификации стереотипов, обеспечению эмпирическим материалом исследований идентичностей и межэтнической коммуникации. На основе регулярно публиковавшихся списков по чинам и архивных послужных списков возможна фундаментальная работа о генералах польского происхождения в русской армии. В Российском государственном военно-историческом архиве нами выявлены материалы о более чем двух сотнях поляков, достигших высших воинских чинов. Думается, что их численность накануне Первой мировой войны сопоставима с периодом 1815–1830 гг., когда существовала отдельная польская армия. Рост интереса в обеих странах наблюдается также к судьбам русских на бывших землях Речи Посполитой. Для воссоздания российско-польских отношений необходимо дать слово и русской стороне, представленной не только и не столько революционерами. Между тем, официальная Россия в трудах историков до сих пор зачастую предстает безликой силой, одержимой самыми недобрыми намерениями. Важным шагом в направлении более адекватной картины прошлого является издание сравнительно недавно обретенного дневника русского генерала и президента Варшавы

конца XIX в. – С.И. Старынкевича⁵, оставшегося в благодарной памяти жителей польской столицы. Есть, правда, и проблемы, которые создает эта образцово выполненная публикация для российских исследователей. Издание дневника в переводе на польский язык расширило его читательскую аудиторию в Польше, но одновременно сделало недоступным большинству историков в России. Те же из них, кто польским языком владеет, лишены возможности цитировать источник. При совместном издании, с соблюдением такого важного принципа, как воспроизведение оригинала, подобных неудобств можно бы было избежать.

Имеются и другие мемуары чиновников и военных, отдавших многие десятилетия своей жизни службе на польских землях. В их числе генерал В.А. Докудовский и петроковский губернатор К.К. Миллер. В нескольких российских архивах хранится переписка русской профессуры Варшавского университета рубежа XIX–XX вв. Весьма перспективной представляется разработка темы крестьянских комиссаров Царства Польского. Созданный для претворения в жизнь реформы 1864 г. по наделению землей польского крестьянства, их институт оказался долговечнее российских мировых посредников, просуществовав до начала XX в. Обращение к указанной теме позволит пролить свет на позицию крестьянства Польши. Формула «народ безмолвствует» не совсем точна для XIX в., и все же о мире социальных низов мы узнаем в значительной мере опосредованно.

Источники, восходящие к людям, не понаслышке знавшим инонациональную среду, ценны с точки зрения русско-польской империологии – изучения стереотипов взаимного восприятия двух народов. Развиваясь преимущественно в сфере литературоведения, это чрезвычайно популярное междисциплинарное направление страдает от узости источниковой базы. Наряду с художественной литературой и фольклором необходимо в этой области широко привлекать мемуары, переписку, публицистику⁶. Вероятно, ввиду недостаточного количества текстов, заслуживающих полного воспроизведения, придется прибегать к формату антологии, что уже делалось А. де Лазари в издании «Польская и русская душа», где собраны материалы для каталога взаимных предубеждений поляков и русских⁷.

Заслуживающим внимания приемом стала публикация в одном издании источников, отражающих русский и польский взгляды на одно и то же событие. В подготовленных Н.М. Филатовой к печати мемуарах таковым является восстание 1830–1831 гг. Если для освещения советско-польской войны 1920 г. в свое время были избраны военачальники, то в данном случае публикуются свидетельства женщин из высшего общества, благодаря чему проект приобрел гендерный характер⁸. В целом, сравнительно-исторические исследования, которые отнюдь не ограничиваются империологическим дискурсом, особенно нуждаются в репрезентативном обеспечении источниками. Это относится и к работе в расширяющемся русле *memory studies*.

Русское образованное общество формировало не только социальную базу правительственной политики, но и оппозицию последней. Палитра мнений наиболее ярко отражена в публицистике. Создается впечатление, что в последнее время в России особенно популярны переиздания сочинений представителей консервативного лагеря, многие из которых высказывались по польскому вопросу. Полезно было бы обратиться к либеральной публицистике, скажем, начала 1880-х годов, когда наблюдалось заметное оживление интереса общественности к нему (Н.И. Кареев, С.А. Венгеров и др.). Периодическая печать остается огромным и далеко не исчерпанным хранилищем информации о российско-польском историческом пограничье.

Наконец, исключительно важным представляется региональное изменение общей российско-польской истории, которая развертывалась не только на этнически польских землях и в имперских столицах. Более того, есть все основания говорить о феномене межрегионального транзита. Действительно, судьбы многих людей – как субъектов, так и объектов управления, связаны с несколькими регионами. Вновь увиденное они неизбежно сравнивали со своим прежним опытом, что дает превосходный материал для выявления региональной специфики, в частности, региональных идентичностей, ментальных особенностей, черт повседневности. В российском чиновничестве сложилась большая группа специалистов по национальным окраинам, за время своей службы сменивших несколько регионов. В свою очередь, польские стратегии, апробированные в одном регионе, находили отклик в других. Так, в опубликованных украинскими коллегами письмах В. Липинского М. Грушевскому кануна Первой мировой войны фиксируется живой интерес видного представителя польского украинфильства к белорусско-литовскому «крайовству»⁹. Том текстов Липинского готовится к изданию в России в серии «Библиотека украинской мысли».

По инициативе Б.С. Шостаковича, начала издаваться «Польско-сибирская библиотека», в первом томе которой публикуются в переводе мемуары «польских сибиряков» первой половины XIX в.¹⁰. Переводы «Польско-сибирской библиотеки» провоцируют вопрос о правилах транслитерации польских имен. В целом, осязаемый интерес к польской теме во многих российских регионах служит хорошей почвой для издательских инициатив и кооперации ученых.

Вполне определилась необходимость более активного использования уже сделанного. Несомненная польза видится в обращении к изданным источникам, биографическим словарям, а также к наработкам в области архивной эвристики, археографии, организации исследований. Приходится констатировать, что при современном направлении научных интересов документальная серия по Январскому восстанию и «Зеленая серия» неоправданно мало востребованы в исследовательской практике. По-прежнему привлекательным представляется органичное соединение публикаторской и исследовательской работы. Целесообразно продолжить

подготовку справочных изданий самого разного назначения. Отчасти эта задача уже решена для Государственного архива Российской Федерации, ряд польских фондов которого после их открытия были описаны в изданиях, увидевших свет в Москве и Варшаве¹¹. Сказанное относится не только к учету рукописного наследия, но и к библиографиям. В частности, указателю мемуарной литературы и корреспонденции, издание которых активно развивается в обеих странах (попытку создания подобного указателя, к сожалению, не получившую завершения, предпринимала Х. Овсяны).

История науки тоже имеет свою источниковедческую составляющую. Лучшему усвоению накопленного опыта могли бы способствовать мемуары полонистов (историков и филологов). Не только издание, но и инициирование воспоминаний ученых издавна успешно осуществляется Институтом истории науки, просвещения и техники ПАН. Уже опубликованы воспоминания В.А. Дьякова, Виктории и Рене Сливовских¹².

Имеющаяся в распоряжении исследователей источниковая база по широко понимаемому российско-польскому пограничью XIX века позволяет разрабатывать весь спектр направлений, актуальных для современного гуманитарного знания. Меняющееся видение прошлого российско-польских отношений еще не подкреплено долгосрочной, всесторонне продуманной программой издания источников. Подобная практика имела место в социалистический период в рамках сотрудничества советских и польских историков. Сегодня по многим причинам необходимо обращение к истории и накопленному опыту нашего партнерства. Взвешенного решения требует вопрос о целесообразности перевода польских источников на русский язык и русских – на польский. На современном этапе нужны новые организационные формы сотрудничества и его материального обеспечения, например предоставление на конкурсной основе совместных грантов. На выявление, анализ и публикацию источников следует ориентировать студентов-старшекурсников, аспирантов, соединив источниковедческую и археографическую работу с подготовкой научных кадров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О В.А. Дьякове подробнее см.: Горизонтов Л.Е. Путь историка // Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.

² Последнее по времени издание, подготовленное В. Сливовской и ее сотрудниками, – трехтомный дневник Ю. Сабиньского за 1839–1857 гг.: *Sabinski J.G. Dziennik syberyjski*. Warszawa, 2009. Т. 1–3.

³ Согласно оценке С. Калембки, на XIX столетие приходится стабильно высокая доля в общем объеме научной продукции по истории Польши.

⁴ Горизонтов Л.Е. Феномен Милютин–мемуариста. К завершению издания семитомных воспоминаний военного министра // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 1.

⁵ *Starynkiewicz S. Dziennik 1887–1897. Warszawa, 2005.*

⁶ *Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004.*

⁷ *Польская и русская душа. От Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына. Варшава, 2003.*

⁸ *Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов. М., 2005.*

⁹ *Грушевський М. Листування. Київ; Нью-Йорк; Париж; Львів; Торонто, 2001. Т. 2. С. 280–281.*

¹⁰ *Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск, 2009.*

¹¹ *Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX вв. Путеводитель. М., 1994; Archiwalia polskiej proweniencji terytorialnej przechowywane w Państwowym Archiwum Federacji Rosyjskiej i Rosyjskim Państwowym Archiwum Wojskowym. Warszawa, 2000.*

¹² *Djakow W. Wspomnienia // Przegląd Wschodni. Warszawa, 1997. Т. 4. № 4 (16); Śliwowsky Wiktoria i Rene. Rosja – nasza miłość. Warszawa, 2008.*

С.М. Фалькович (Москва)

«Голоса из народа»: стихи и песни как источник изучения общественных настроений в Польше XIX – начала XX века*

Исторические события отражались не только в хрониках летописцев и трудах историков. Они всегда находили отклик в творчестве – в стихах, песнях, драматических произведениях, в том числе в произведениях великих мастеров. Но реакцией на волновавшие людей события общественной жизни были и непосредственные комментарии окружающих – простых людей-современников. Причем нередко они выражали свои чувства, мысли, взгляды также в стихотворной форме. Зачастую имена авторов таких стихов и песен оставались неизвестными, но это было и не важно, ведь в этой непрофессиональной поэзии отражались не просто личная позиция одного человека, а взгляды определенной части общества. Поэтому такие свидетельства времени имеют значительную ценность как исторический источник.

Все это относилось и к богатой событиями польской истории XIX – начала XX веков. Для иллюстрации этого достаточно коснуться лишь нескольких моментов, привести отдельные примеры, когда на то или иное значимое событие в обществе появлялся отклик, облеченный в стихотворную форму. В частности, это касается периода существования конституционного Королевства Польского в 1815–1830 гг. О взаимоотношениях правительства и депутатов сейма, о происходившей в его стенах парламентской борьбе жители Королевства могли узнавать не только из прессы и официальных отчетов, но и непосредственно из зала заседания. Ведь в первые годы существования созданного по постановлению Венского конгресса Королевства заседания сейма были публичными, и каждый имел на них доступ. Свои впечатления наблюдатели выражали, не скупясь на эмоции, в частности и в поэтической форме. Так, например, Марцин Мольский с едкой иронией отозвался о рапорте Государственного Совета (Рады Стану) сейму в 1818 г., составленном сенатором Каэтаном Козьмяном¹.

«Твой рапорт в Сейме, как целебный пластырь,
Я восхищен твоим химическим умением:
Из извести ты сделал алебастр
Одним волшебным словоговорением.
И этим ты принес нам облегчение,
Надежду, что наступит улучшение,
И край преобразится несказанно,
Коль будет в Раде множество Козьмянов»².

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РФНФ №10–01–00425а.

** Здесь и далее стихотворные тексты даны в переводе автора статьи.